СОЛЕЙМАНЪ И ВОРОНА.

И еще, сказывають правовърные, Солейману благословенной памяти, который часто углублялся въ толки и разговоры съ птицами, случилось показать намъ поучительную притчу въ лицахъ, которая дошла, по преданію, до нынѣшнихъ дней.

Солейманъ, прогуливаясь въ обширныхъ и богатыхъ садахъ своихъ, присълъ разостланномъ коврѣ, среди роскошнаго цвътника, размечтался о суетности мірской, остановился на той стать в опытной мудрости своей, что должно ловить на лету каждый мигъ наслажденій мірскихъ, иначе мы ихъ не увидимъ; они пронесутся мимо и Онъ коснутся насъ. ВЪ мысляхъ свое положеніе, и ему созерцалъ самъ казалось, что при этой праздной лѣни, и дремотою, недоставало между сномъ одного только — пѣнія прелестной птички; а царь любиль засыпать подъ говоръ яворовъ и перекаты соловья. «Поди,» сказалъ онъ воронъ, которая, желая выслужиться у

пророка, сидѣла безсмѣнно на сучкѣ, переступая съ ноги на ногу, и въ ожиданіи приказаній, напоминала о себѣ частымъ и громкимъ карканьемъ; «поди,» сказалъ ей Солейманъ, «позови ко мнѣ птицу, которая поетъ лучше и прелестнѣе всѣхъ; отыщи мнѣ перваго пѣвца въ мірѣ!»

Ворона взмахнула крыльями, полетъла, а царь задремаль; но онъ вскоръ опять несноснѣйшаго проснулся отъ карканья подлѣ самаго уха: ворона, послушавъ разныхъ пъсенъ, избрала для Солеймана въ придворные пъвчіе дътеныша своего, вороненка, который сидълъ теперь у его потряхивалъ крыльями изголовья, крикомъ, – между-тъмъ, надсаживался ворона ластилась тутъ-же, какъ подстрекала пъвчаго поправляла И самодовольно поглядывала на Солеймана.

«Это что такое?» спросиль удивленный мудрецъ. лучше пъвца, — Да ЭТОГО ворона, отвъчала Я нашла; ЭТО не рѣшительно первый, или первыхъ, ИЗЪ покрайней-мъръ, потому-что y меня найдется еще съ пятокъ такихъ-же, — къ твоимъ услугамъ....

=====